ЧЕХ ФАНТАСТОВ

1990

Путешествие одиннадцатое

Станислав Лем

Аннотация

Станислав Лем. ЗВЕЗДНЫЕ ДНЕВНИКИ ИЙОНА ТИХОГО. ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Аннотация

Много лет назад на одном из торговых кораблей взбунтовался бортовой компьютер. Высадившись на отдаленной планете, он основал там колонию роботов — Карелирию — и начал беспощадную идеологическую борьбу против человечества. Более девяти тысяч агентов отправились на эту планету, но ни один из них не вернулся. Теперь Ийону Тихому предстоит разрешить эту загадку.

Перевод Д. Брускина.

Станислав Лем
ЗВЕЗДНЫЕ ДНЕВНИКИ ИЙОНА ТИХОГО
ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

От переводчика

«Звездные дневники Ийона Тихого» занимают особенное место в творчестве Станислава Лема. По сути дела, с них начался тот знаменитый писатель, которого сегодня взахлеб читают любители фантастики во всем мире. Вот первые строчки библиографии Ст. Лема: 1951 год — «Астронавты», роман, выдержанный в привычных традициях научно-фантастического жанра; 1954-й — «Сезам и другие рассказы», тоже в основном традиционная фантастика; 1955-й — «Магелланово облако», роман о светлом коммунистическом будущем. И вдруг сразу 1957 год — «Звездные дневники». Фейерверк, космический взрыв.

Переплетение политики и социологии, сегодняшнего бытия (и быта) и гротескных картин небывалого. Блистательный юмор, злая сатира,

доходящая до издевки. В этом цикле писатель дал полную волю своей фантазии. Его не связывают никакие школьные законы природы, законы мироздания. Тут можно пешком ходить по Космосу и выскочить за Начало Времени, подвергнуться нападению хищного картофеля и, погибнув от удара метеорита, получить свой собственный «резерв». Судя по всему, «Звездные дневники» были, кроме того, что они имеют свою самостоятельную литературную ценность, еще и опытным полем писателя, на котором он затем взрастил такие выдающиеся фантастические произведения, как «Эдем», «Возвращение со звезд», «Солярис», «Непобедимый» и многие, многие другие.

Примечательно, что «Звездные дневники» у нас вышли почти сразу же после их издания в Польше. Они пользовались большой популярностью у читателей, как, впрочем, практически любая фантастика в те годы (много ли ее было). Но воспринимались «Дневники» скорее как веселая шутка и даже как пародия на НФ. Объясняется это не только стилистикой цикла, действительно насыщенного юмором. Дело в том, что для различных сборников отбирались в основном наиболее безобидные с точки зрения тогдашних издателей «Путешествия», те же, которые от-

личались особой сатирической остротой, долго и упорно не публиковались. И по сей день некоторая часть «Звездных дневников» мало известна широкому советскому читателю.

Из предисловия

В последнее время по поводу записок Тихого распространяются заявления, в которых подвергается сомнению его авторство. Пресса сообщает, что Тихий пользовался чьей-то помощью и даже что он вообще никогда не существовал, а все якобы его произведения на самом деле сочиняло некое устройство, так называемый «LEM». Выдвигаются даже такие нелепые версии, что «LEM» — это человек. Но каждому, кто хотя бы поверхностно знаком с историей космонавтики, известно, что LEM — это аббревиатура названия «Lunar Excursion Module», или исследовательского лунного контейнера, который был создан в США для проекта «Аполлон» (первой высадки на Луну). Ийону Тихому не нужна защита ни как автору, ни как путешественнику. Однако пользуюсь случаем, чтобы заклеймить беспочвенные сплетни. В частности, сообщаю: LEM действительно был снабжен небольшим мозгом (электронным), но это устройство служило исключительно

узким целям навигации и не могло бы написать ни одной осмысленной фразы. Ни о каком другом LEM'е ничего не известно. О нем не упоминают ни каталоги больших электронных машин (см., напр., Nortronios, New Uork, 1966—69), ни Большая космическая энциклопедия (London, 1979)

Профессор А. С. ТАРАНТОГА

Кафедра сравнительной астрозоологии Фомальгаутского университета за

Редакционную комиссию Полного собрания сочинений Ийона Тихого, а также

Ученый Совет Тихологического института совместно с редакционной коллегией ежеквартального журнала «Тихиана»

ПУТЕШЕСТВИЕ одиннадцатое

День начался скверно. С тех пор как я отдал слугу в ремонт, беспорядка в доме прибавилось. Я ничего не мог найти. В коллекции метеоров завелись мыши и изгрызли самый лучший хондрит.

Когда я варил кофе, у меня убежало молоко. Этот электрический балбес куда-то спрятал тряпки и носовые платки. Надо было отдать его в капитальный ремонт сразу же, как только он начал чистить мои ботинки изнутри. Пришлось пустить на тряпки старый парашют. Я пошел на-

верх, протер метеоры и наладил мышеловку. Все экземпляры я собрал сам. Это не так уж трудно — нужно только подобраться к метеору сзади и накрыть его сеткой.

Тут я вспомнил о гренках и побежал вниз.

От них, конечно, остался один уголь. Я выбросил его в раковину. Она сразу же засорилась. Я махнул на все рукой и пошел проверить почтовый ящик.

Он был набит обычной утренней почтой — два приглашения на конгрессы в какие-то провинциальные дыры туманности Краба, проспекты, рекламирующие пасту для полировки ракет, свежий номер «Ракетного путейца» — ничего интересного. Последним я вынул темный толстый конверт, украшенный пятью печатями. Я взвесил его на руке и вскрыл.

«Тайный Уполномоченный по делам Вотрокалии имеет честь пригласить Ийона Тихого на совещание, которое имеет быть 16 числа текущего месяца в 17 часов 30 минут в малом зале Ламбретанум. Вход только по приглашениям, после просвечивания.

Просьба сохранять тайну.

Неразборчивая подпись, печать и наискось вторая печать, красная.

ДЕЛО КОСМИЧЕСКОЙ ВАЖНОСТИ, СЕКРЕТНО!!!»

«Ну, наконец что-то», — обрадовался я. Вотрокалия, Вотрокалия… Название это было мне знакомо, но я не мог вспомнить, откуда. Я открыл Космическую энциклопедию. Там были только Версемнилия и Вортулана. «Интересно», — подумал я. В «Альманахе» мне тоже не удалось ничего найти. Да это было действительно интересно. Не иначе Тайная Планета.

— Это по мне! — пробормотал я и стал одеваться. Было только десять, но пришлось сделать поправку на слугу. Носки нашлись почти сразу, в холодильнике, и я уж счел, что в состоянии проследить ход мыслей разлаженного электромозга, как вдруг столкнулся со странным фактом — нигде не было брюк. Никаких. В шкафу висели одни пиджаки. Я обыскал весь дом, даже ракету выпотрошил — ничего. Обнаружил только, что этот набитый дурак выпил все масло, которое стояло в погребе. Должно быть, он вылакал его недавно, неделю назад я пересчитывал банки, и все они были полными. Это так меня разозлило, что я всерьез задумался, не отдать ли его на слом. Утром ему не хотелось вставать, и он уже

несколько месяцев затыкал себе звукоприемники воском. Можно было звонить до бесконечности. Он объяснял это рассеянностью. Я пригрозил, что повыкручиваю ему пробки, но он бренчать на это хотел. Знал, что нужен мне. Я разделил весь дом на квадраты по системе Пинкертона и устроил такой обыск, как будто искал иголку. В конце концов нашел квитанцию. Этот прохвост отдал все мои брюки в чистку. Но куда девались те, что были на мне вчера? Я никак не мог этого вспомнить. Пока я обыскивал собственный дом, подошло время обеда. В холодильник заглядывать было незачем — кроме носков там была только почтовая бумага. Меня охватило отчаяние. Я достал из ракеты скафандр, надел его и пошел в ближайший магазин. На меня, правда, оглядывались на улице, но я купил две пары брюк, одни черные, другие серые, вернулся домой в скафандре, переоделся и, злой как черт, поехал в китайский ресторан. Съел все, что мне дали, запил гнев бутылкой мозельвейна и, посмотрев на часы, увидел, что скоро пять. На что я убил день…

У Ламбретанума не было ни вертолетов, ни автомобилей, ни даже самой невзрачной ракеты — ничего. «Ах, даже так?» — мелькнула у

меня мысль. Через обширный сад с огромными клумбами георгинов я прошел к главному входу. Долго никто не отворял. Наконец открылся объектив селективного устройства, невидимый глаз осмотрел меня, затем дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы я мог пройти.

— Ийон Тихий, — произнес в карманный микрофон человек, который мне отворил. — Прошу наверх, — обратился он ко мне. — Левая дверь. Вас ждут.

Наверху на меня повеяло приятной прохладой. Я вошел в маленький зал и очутился среди избранного общества. Кроме двух мужчин, сидевших за столом президиума, которых я раньше никогда не видел, на обитых бархатом креслах расположился цвет космографии. Я заметил профессора Гаргаррага и его ассистентов. Поклонившись присутствующим, я устроился сзади. Один из мужчин, находившихся в президиуме, высокий, с седыми висками, вынул из ящика каучуковый колокольчик и беззвучно зазвонил. «Вот это предосторожности!» — подумал я.

— Почтенные ректоры, деканы, профессора, доценты и ты, уважаемый Ийон Тихий, — поднявшись, заговорил мужчина с седыми висками, — как уполномоченный по совершенно секретным

делам, я открываю специальное совещание, посвященное вопросу о Вотрокалии. Слово имеет тайный советник Ксафириус.

В первом ряду поднялся плотный, седой как лунь, широкоплечий мужчина, подошел к трибуне, слегка поклонился собравшимся и начал без всяких вступлений:

— Коллеги! Около шестидесяти лет назад с иокагамского космодрома взлетел грузовик Млечной компании «Божидар П». Этот корабль, под командованием опытного пустотника Астроцентия Пепо, имел на борту разнообразные товары для Аркландрии, планеты гаммы Ориона. Последний раз он был замечен с галактического маяка вблизи Цербера. Потом его следы затерялись. Страховое общество Секуритас Космика, или сокращенно СЕКОС, через год выплатило полную компенсацию за погибший корабль. Примерно через две недели после этого один радиолюбитель с Новой Гвинеи принял радиограмму следующего содержания.

Оратор поднял со стола бланк и прочитал:

КАРКУЛЯСЯ ПОМЕВСЮСЯ СПАССИ БОЗИТА

— Для того чтобы все было понятно, необходимо сделать некоторые пояснения. Этот

радиолюбитель был новичком и обладал двумя недостатками — дефектом речи и низкой квалификацией. Поэтому он до неузнаваемости исказил радиограмму, которая после реконструкции, выполненной экспертами Галактокода, выглядела так: «Калькулятор помешался спасите Божидар». Опираясь на этот текст, эксперты установили, что имел место редкий случай бунта в космическом пространстве — бунта бортового Калькулятора. Так как с момента выплаты страховки арматорам эти, последние, не могли уже претендовать на исчезнувший корабль, он со всеми правами собственности и фрахта перешел к СЕКОСу. Эта компания обратилась к агентству Пинкертона в лице Абстрагона и Мнемонуса Пинкертонов с просьбой провести соответствующее расследование. Следствие, проведенное этими опытными детективами, установило, что Калькулятор «Божидара» когда-то являлся весьма совершенным аппаратом, но во время последнего путешествия, будучи уже в преклонном возрасте, с некоторых пор стал жаловаться на одного из членов команды. Этот ракетник, некий Симилеон Гиттертон, дразнил его различными способами — понижал выходное напряжение, стучал по лампам, насмехался над ним и даже

отпускал в адрес Калькулятора оскорбительные выражения, вроде «склеротической жестянки» или «проволочного тупицы». Гиттертон от всего отказался, утверждая, что у Калькулятора просто были галлюцинации — такое иногда случается с пожилыми электромозгами. Впрочем, этот аспект вопроса немного позже вам подробно осветит профессор Гаргарраг. В течение следующего десятилетия корабль найти не удалось. Но через некоторое время агенты Пинкертона, настойчиво продолжая заниматься тайной исчезновения «Божидара», узнали, что перед рестораном отеля «Галакс» сидит полубезумный дряхлый нищий, который выдает себя за бывшего командира корабля Астроцентия Пепо и рассказывает невероятные истории. Этот немыслимо грязный старец упорно утверждал, что он Астроцентий Пепо. Увы, у него не только помутился разум, он еще и разучился говорить и мог только петь. Люди Пинкертона терпеливо расспрашивали старика, и в конце концов он пропел им совершенно неправдоподобную историю — мол, на корабле произошло что-то страшное, из-за чего Астроцентий Пепо оказался за бортом, в одном скафандре, и с горсточкой преданных пустотников целых двести лет был вынужден

пешком добираться из района туманности Андромеды на Землю; он якобы путешествовал то на попутных метеорах, то ракетостопом и лишь небольшую часть пути проделал на Люмеоне, автоматическом космозонде, который летел к Земле со скоростью, близкой к скорости света. За эту прогулку верхом на Люмеоне он заплатил (по его собственным словам) утратой речи, но зато помолодел на много лет, благодаря известному явлению сокращения времени на телах, движущихся с субсветовой скоростью.

Так выглядел рассказ, вернее, лебединая песнь старца. О том, что произошло на «Божидаре», он ни в какую не желал говорить. Однако, установив у входа в отель, вблизи от места, где сидел нищий, магнитофон, агенты Пинкертона записали песенки, которые он напевал. В некоторых из них старик обрушивал ужаснейшие проклятия на счетную машину, провозгласившую себя Архипанкратором Всекосмобытия. Получив эти сведения, Пинкертон пришел к выводу, что радиограмма была прочитана верно — Калькулятор сошел с ума и отделался от всех находившихся на корабле людей.

Продолжение эта история получила через пять лет. С корабля Метагалактического институ-

та «Мегастр» заметили обращающийся вокруг неисследованной планеты Проциона ржавый корпус, силуэтом похожий на исчезнувший «Божидар». «Мегастр» возвращался домой, горючее было на исходе, поэтому он не сел на планету, а лишь уведомил радиограммой Землю. Небольшой патрульный корабль «Декрон» обследовал окрестности Проциона и обнаружил корпус. Это в самом деле был остов «Божидара». «Декрон» сообщил, что корабль в ужасном состоянии — с него исчезли машины, палубы, внутренние переборки, люки — все до последнего винтика, вокруг планеты летала лишь пустая выпотрошенная оболочка. В ходе дальнейших розысков, предпринятых экипажем «Декрона», выяснилось, что взбунтовавшийся Калькулятор «Божидара» решил осесть на планете Проциона и, чтобы устроиться поудобнее, присвоил все имущество корабля. В связи с этим в нашем отделе было заведено соответствующее дело под названием ВОТРОКАЛИЯ, что расшифровывается как «Возврат трофеев Калькулятора»!

Как выяснилось, Калькулятор обосновался на планете и размножился на ней, расплодив огромное количество роботов, над которыми осуществляет абсолютную власть. Поскольку

Вотрокалия в основном находится в сфере гравиполитического влияния Проциона и живущих там мелманлитов, разумной расы, которая поддерживает с Землей добрососедские отношения, мы отказались от силового вмешательства и временно оставили в покое Вотрокалию и основанную Калькулятором колонию роботов, носящую в наших документах кодовое название КАЛКОРОБ. С другой стороны, СЕКОС потребовал возврат имущества, считая, что как Калькулятор, так равно и все его роботы являются законной собственностью страхового общества. Мы обратились по этому вопросу к мелманлитам. Они ответили, что по их сведениям Калькулятор создал не колонию, а государство, называемое его жителями Пышнявией, и мелманлитское правительство, хотя и не признало этого государства де-юре и дело еще не дошло да обмена дипломатическими представительствами, однако признало существование этого общественного организма де-факто и не считает возможным предпринимать какие-либо шаги, направленные на изменение существующего положения. Некоторое время роботы вели себя спокойно и не проявляли сколько-нибудь опасной агрессивности. Естественно, в нашем отделе сложилось

мнение, что нельзя пускать дела на самотек, это было бы проявлением крайнего легкомыслия, и потому мы послали на Вотрокалию нескольких своих людей, переодев их предварительно в роботов, ибо молодой национализм Калкороба проявлялся в форме неразумной ненависти ко всему человеческому. Вотрокальская пресса неустанно повторяет, что мы гнусные торговцы невольниками и беззаконно эксплуатируем невинных роботов. И все переговоры, которые мы пытались вести от имени общества СЕКОС в духе равенства и взаимопонимания, кончились ничем, поскольку даже на самые скромные наши требования, — чтобы Калькулятор вернул страховой компании себя и роботов, ответом было оскорбительное молчание.

— Коллеги, — повысил голос оратор, — к сожалению, события развивались совсем не так, как мы ожидали. После нескольких радиоконтактов наши люди, посланные на Вотрокалию, перестали выходить на связь. Мы послали новых, повторилась та же история. После первого шифрованного рапорта, сообщающего о благополучной высадке на планету, они больше не проявляли никаких признаков жизни. С тех пор на протяжении девяти лет мы отправили на Вот-

рокалию в общей сложности две тысячи семьсот восемьдесят шесть агентов, и ни один из них не вернулся, ни один не дал о себе знать! Этим признакам отличной работы вотрокальской контрразведки сопутствуют и другие, возможно еще более тревожные факты. Так, пресса Вотрокалии в своих публикациях нападает на нас все резче. Типографии массово издают предназначенные для земных роботов брошюры и листовки, в которых люди представлены электропийцами, негодяями и всяческим образом оскорбляются, а в официальных выступлениях нас не называют иначе, как липняками, а человечество — тюрей. Мы направили правительству Проциона меморандум по этому поводу, но оно повторило свое заявление о невмешательстве, и все наши старания показать печальные результаты этой нейтралистской, а по сути дела страусовой политики не принесли плодов. Нам лишь дали понять, что роботы являются нашим порождением, ergo, мы ответственны за все их действия. С другой стороны, Процион категорически возражает против каких-либо карательных экспедиций или насильственного захвата Калькулятора и его подданных. Поэтому мы решили созвать сегодняшнее совещание, чтобы пока-

зать вам всю опасность создавшейся ситуации. Добавлю еще, что месяц назад «Электронные новости», официальный орган Калькулятора, опубликовали статью, в которой смешали с грязью эволюционное древо человека и потребовали присоединения Земли к Вотрокалии, поскольку роботы — такова основная идея статьи — находятся на более высокой ступени развития, чем живые существа. На этом я заканчиваю и предоставляю слово профессору Гаргаррагу.

Сгорбленный под тяжестью лет знаменитый специалист электрической психиатрии не без труда поднялся на трибуну.

— Коллеги! — произнес он слегка дрожащим, но еще сильным старческим голосом. — Давно известно, что электрические мозги необходимо не только создавать, но и ухаживать за ними. У электрического мозга тяжелая судьба. Работа без отдыха, сложные вычисления, грубость и неразборчивые шутки обслуживающего персонала — вот на что обречен такой чрезвычайно деликатный в сущности аппарат. Ничего странного нет в том, что нередки депрессии, короткие замыкания, неоднократно предпринимавшиеся с целью самоубийства. Вот недавний случай из практики моей клиники. Произошло раздвоение личности

— dichtomia profunda psychogenes electorocutiva alternans. Этот мозг писал сам себе задушевные письма, называя себя в них «катушечкой», «проволочкой», «лампулей» — явное свидетельство того, как он нуждался в ласке, в сердечном теплом отношении. Элетрошоковые процедуры и длительный отдых вернули ему здоровье. Или взять случаи tremor electricus frigoris oscillativus. Электронный мозг не швейная машина, которой можно забивать гвозди в стену. Это сознательное существо, прекрасно ориентирующееся во всем, что вокруг него происходит, и потому зачастую при возникновении космической опасности он начинает дрожать вместе со всем кораблем так сильно, что людям трудно устоять на палубе.

Некоторым грубым натурам это не нравится. Они доводят мозг до крайности. Электрический мозг желает нам добра, но, коллеги, выносливость проводов и ламп тоже имеет свои пределы. Только из-за постоянных издевательств капитана — запойного пьяницы электронный мозжечок «Гренобля», применявшийся для вычисления курсовых поправок, в остром приступе безумия объявил себя дистанционным ребенком Великой Андромеды и наследственным императором Мурвиклаурдии. Пройдя курс лечения в нашей

закрытой клинике, он успокоился, пришел в себя и в настоящее время стал почти нормальным. Бывают, естественно, и более тяжелые случаи. Так, например, один университетский мозг, влюбившись в жену профессора математики, начал из ревности путать все расчеты. Математик, решив, что он не знает простого сложения, чуть не сошел с ума. Но в оправдание этого мозга нужно сказать, что жена математика систематически обольщала его, давая ему для суммирования все свои счета за самые интимные предметы туалета. Случай, который мы разобрали, напомнил мне другой — большого бортового мозга «Панкратия», который вследствие замыкания соединился с остальными мозгами корабля и в безудержном стремлении к росту так называемой электродинамической гигантофилии опустошил склады запасных частей, высадил команду на скалистой Мирозене, а сам нырнул в океан Алантропии и провозгласил себя патриархом живущих на планете ящеров. Прежде чем мы прибыли на планету с успокаивающими средствами, он в приступе ярости пережег себе лампы, поскольку ящеры не хотели его слушать. Правда, и здесь оказалось, что второй штурман «Панкратия» известный космический шулер, пользуясь краплеными

картами, обыграл несчастный мозг до нитки.

Но случай Калькулятора совершенно исключителен, коллеги. Перед нами отчетливые проявление таких заболеваний, как gigantomania ferrogenes acuta, как paranoia misantropica persecutoria, как poluplasia panelectropsychica debilitativa gravissima, как, наконец, necrofilia, thanatofiiia и necromantia.

Коллеги! Я должен сообщить вам одну деталь, принципиальную для понимания происходящего. Космический корабль «Божидар П» имел на борту, кроме различных товаров, адресованных арматорам Проциона, большое количество ячеек синтетической ртутной памяти для Млечного Университета в Фомальгауте. Эти ячейки содержали два рода сведений: из области психопатологии, а также архаической лексикологии. Надо думать, что Калькулятор, разрастаясь, поглотил эти ячейки. В результате он впитал в себя совокупность знаний о таких проблемах, как история Джека Потрошителя и душителя из Глумспика, как биография Захер-Мазоха, как мемуары марки-за де Сада, как протоколы секты флагеллантов из Пирпинака, как оригинал книги Мурмуропоулоса «Кол в разрезе веков», а также известный уник библиотеки в Абберкромби —

«Пыряние», рукописная книга обезглавленного в 1673 году в Лондоне Хэпсодора, который был известен под кличкой «Ошейник младенцев». Или оригинальное сочинение Яника Пидвы «Пытай сам», того же автора «Душение, Усекновение и Паление — к вопросу о катографии», и единственный в своем роде раритет — «Масляное меню», предсмертное творение О. Гальвинария из Амагонии. В этих злополучных ячейках находились также расшифрованные с каменных плит протоколы заседаний секции каннибалов союза неандертальских литераторов и «Висельные рассуждения» виконта де Крамфусса. Если я добавлю, что в них нашли свое место такие произведения, как «Идеальное убийство», «Тайна черного трупа» или «Азбука убийства» Агаты Кристи, то вы сможете себе представить, какое ужасное влияние имело все это на невинную в общем-то личность Калькулятора. Ведь мы стараемся по мере сил держать электромозги в неведении относительно этих ужасных сторон человеческой натуры. Теперь, когда окрестности Проциона заселяет железное потомство машины, набитой историей человеческой дегенерации, извращений и преступлений, я вынужден, к сожалению, заявить, что электропсихиатрия в этом

случае бессильна. Больше мне нечего сказать.

И старик в полном изнеможении неверными шагами отошел от трибуны среди общего глухого молчания. Я поднял руку. Председательствующий посмотрел на меня с удивлением, но после короткого колебания дал мне слово.

— Коллеги! — сказал я вставая. — Вопрос, как я вижу, весьма серьезен. Его серьезность я смог оценить только после убедительного выступления профессора Гаргаррага. И хотел бы сделать почтенному собранию предложение. Я готов сам вылететь в район Проциона, чтобы выяснить, что там делается, разгадать тайну исчезновения ваших людей, а также по мере возможности добиться мирного разрешения назревающего конфликта. Я отчетливо вижу, что эта проблема гораздо сложнее всех, с какими мне до сих пор приходилось сталкиваться, но есть моменты, когда надлежит действовать, не подсчитывая шансов на успех или риск. Поэтому…

Мои слова потонули в буре аплодисментов. Я опускаю все, что происходило на совещании потом, поскольку это было слишком похоже на бурную овацию в мою честь. Комиссия и собрание наделили меня всеми возможными полномочиями. Назавтра я имел беседу с руководителем

отдела Проциона и шефом космической разведки в одном лице, советником Малинграутом.

— Вы хотите лететь уже сегодня? — спросил он. — Отлично. Но не на своей ракете, Тихий. Это невозможно. Для подобных миссий мы используем специальные.

— Зачем? — поинтересовался я. — Меня вполне устраивает моя.

— Я не сомневаюсь в ее качествах, — ответил он, — но речь идет о камуфляже. Вы полетите в ракете, похожей внешне на что угодно, только не на ракету. Это будет… Впрочем, увидите сами. Кроме того, вы должны высадиться ночью…

— Как ночью? — я был в недоумении. — Ведь меня выдаст пламя реактивной струи…

— Такую тактику мы применяли до сих пор, — произнес он, явно огорченный.

— Я уж как-нибудь разберусь на месте, — сказал я. — Мне придется лететь переодетым?

— Да. Это необходимо. Вами займутся наши эксперты. Они уже ожидают. Пройдите, пожалуйста, сюда…

Меня провели секретным коридором в комнату, похожую на небольшой операционный зал. Тут мной занялись четыре человека. Когда меня через час подвели к зеркалу, я себя не узнал.

Закованный в листовое железо, с квадратными плечами и такой же головой, со стеклянными окулярами вместо глаз, я выглядел как обыкновеннейший робот.

— Послушайте, Тихий, — обратился ко мне шеф гримеров. — Вы должны помнить о нескольких важных деталях. Прежде всего, вам нельзя дышать.

— Вы с ума сошли, — сказал я. — Как же это? Ведь я задохнусь.

— Вы не поняли. Конечно, дышите себе на здоровье, но тихонько. Никаких вздохов, никакого сопения, никаких глубоких вдохов — все бесшумно, и уже не дай бог чихнуть. Это будет ваш конец.

— Ясно. Что еще? — спросил я.

— В дорогу вам дадут годовые комплекты «Электронных новостей» и газеты оппозиции — «Голос Пустоты».

— Так у них есть и оппозиция?

— Да, но во главе ее тоже стоит Калькулятор. Профессор Млассграк допускает, что он страдает не только электрическим, но и политическим раздвоением личности. Слушайте дальше. Никакой еды, никаких конфет — ничего из этих вещей. Есть будете исключительно ночью, через

это отверстие, вставите сюда ключик — здесь замок — дверца откроется, вот так. Смотрите, не потеряйте ключик — тогда вам грозит голодная смерть.

— Действительно, роботы ведь не едят.

— Подробностей об их нравах, по вполне понятным причинам, мы не знаем. Хорошенько изучите объявления в их газетах, это очень полезно. А когда будете с кем-нибудь разговаривать, не приближайтесь к собеседнику, чтобы он не мог заглянуть сквозь сетку микрофона внутрь — лучше всего, если вы будете постоянно чернить зубы, вот коробочка басмы. И не забудьте демонстративно смазывать свои шарниры каждое утро, все роботы так делают. Но не пересаливайте — если вы будете немного скрипеть, это только произведет хорошее впечатление. Ну, вот более или менее все. Э, минутку, вы что, собираетесь так выйти на улицу, — у вас все дома? Тут есть потайной ход, сюда…

Он нажал какую-то книгу на стеллаже, часть стены отодвинулась, и по узенькой лестнице я с грохотом спустился во двор, где стоял грузовой вертолет. Меня втащили внутрь, и машина поднялась в воздух. Через час мы сели на секретном космодроме. Рядом с обычными ракетами на

бетоне стояло круглое, как башня, зернохранилище.

— Побойтесь бога, это — ракета? — обратился я к сопровождавшему меня секретному офицеру.

— Да. Все, что вам может понадобиться, шифры, коды, радио, газеты, продовольствие и разные мелочи — все уже внутри. А так-же большой рак.

— Рак?

— Для вскрытия сейфов… как оружие, только в крайнем случае. Желаю сломать шею, — любезно сказал офицер.

Я даже не мог как следует пожать ему руку, она утонула в железной перчатке. Открыв дверь, я вошел в амбар. Внутри это была ракета как ракета. Мне очень хотелось вылезти из железной коробки, но меня заранее предостерегли, — специалисты объяснили, что будет лучше, если я привыкну к этому бремени.

Я запустил реактор, взлетел и лег на курс, а затем не без труда пообедал — пришлось ужасно выворачивать шею и все равно рот не приходился прямо против дверцы, и я помогал себе рожком для ботинок. Потом я уселся в гамак и занялся прессой роботов. Вот несколько заголовков, которые бросились мне в глаза на первых страницах:

БЕАТИФИКАЦИЯ СВЯТОГО ЭЛЕКТРИЦИЯ

ЛИПНЯКОВ ВРАЖЬИМ ПРОИСКАМ КОНЕЦ ПОЛОЖИМ

БУЯНСТВО НА СТАДИОНЕ

ЛИПНЯК В ОКОВАХ

Синтаксис и словарный состав сразу же меня удивили, но я вспомнил, что говорил профессор Гаргарраг о словарях архаического языка, которые некогда имел на борту «Божидар». Я уже знал, что роботы называют людей липняками. Самих себя они считают пышнявцами.

Я прочитал последнюю заметку, где говорилось о липняке в оковах.

«*Пара алебардитов Его Индуктивности накрыли нынче при третьем утрешном колоколе липняка-лазутчика, кой на постоялом дворе пышнявца Мремрана укрытья в мерзостности своей искал. Верным Индуктивности слугой будучи пышнявец Мремран в сей же миг Алебардуру гороцкую уведомил, затем же вражий шпиен с личником открытым для бесчестья, криками ненавистными толпы провожаемый, в тюрьму*

Калефаострум брошен был. Делом ево законник Semperitititae Туртран занялся».

«Для начала неплохо», — подумал я и вернулся к колонке под заголовком «Буянство на Стадионе».

«Уже созерцатели турнею грузельского оконфуженно травку покидали, однако же Гирлай III, грузель Туртукуру отдавая, овсянец пробульдозил, через что фракутура голени от игры его отохотила. Закладчики видучи, что премиума решились, в касу ринулись, приступом взяли тингуль касовый, а тингулятора помяли люто. Потроль посадской Алебардуры восем буянов, каменьями обременив, в яму кинул. Придет ли все ж конец етим перетурбацам, смиренно проблемуют власти кветливые созерцатели».

С помощью словаря я выяснил, что кветливый — это мирный, от quietas, quietatis — это мир, что проблемовать — это спрашивать, грузельня же что-то вроде спортивной площадки, где пышнявцы играют в свою разновидность футбола, в котором мячом служит литой свинцовый шар. Я настойчиво изучал газеты, так как перед вылетом мне в отделе вбивали в голову, что я должен бегло разбираться в обычаях и в особенностях

пышнявцев, я уже даже мысленно их так называл — назвать кого-нибудь из них роботом значило не только нанести оскорбление, но и немедленно разоблачить себя.

Итак, я поочередно прочитал статьи: «Основ шесть, к предмету пышнявцев совершенства», «Аудыенцыя маэстро Грегатуриана», «Как оружейников цех ремонты нынча ведет», «Достойные странствия планетников пышнявских ради ламп охлажденья». Но еще удивительнее были объявления. Из большинства я мало что понял.

АРМЕЛАДОРА VI. РЕЩИК ЗНАТНЫЙ ОДЕЖУ ЧИНЕТ, ДЫРЫ КЛЕПАЮ, ШАРНИРЫ ПОДГОНЯЮ, ТАКЖЕ IN EXSTREMUM, тарифф нисский.

МАЗЕКС, средство от ржавения, ржавки, ржалий, ржаницы, ржадства и ржавнетия — приобрести можно везде.

OLEUM PURISSIMUM PRO CAPITE — дабы тебе шея смышленности скрипом не смущала!!

Некоторых я вообще понять не мог. Хотя бы вот этих:

Разпутцы! Туловки игрунские вдосталь! Размеры любые. Гарантия гойдольницы на месте. Тармодрала VIII.

Охочему покой панкраторный с амфигнайсом

здам. Перкоратора XXV.

Были там и такие, от которых у меня под железным колпаком волосы вставали дыбом:

БОРДЕЛЬ ГОМОРХИЯ СЕГО ДНЯ
ДВЕРИ СВОИ РАСПАХИВАЕТ!
ПОСЛЕ РЕМОНТА
ДЛЯ ЛАКОМЛИВЫХ ВЫБОР
КОЕГО НИКОГДА НЕ БЫВАЛО!!
ДЕТЕНЫШИ ЛИПНЯЧЬИ, ХУДОБА В ПАЛАТАХ И НА ВЫНОС!!!

Я ломал себе голову над этими загадочными текстами; времени хватало, лететь мне предстояло почти год.

В «Голосе Пустоты» объявлений было еще больше.

КОСТОЛОМКИ,
ТЕСАКЕРЫ, НОЖНИЦЫ КАДЫЧНЫЕ, ЧАСТОКОЛЫ, СТОЛБИКИ ДЕЛИКАТНЫЕ ПРЕДЛАГАЕТ ГРЕМОНТОРИУС, ФИДРАКАКС LVI.

ПИРОМАНЬЯКИ!!! Новых, каменым маслом пропитанных кистей Абракердела НИЧТО НЕ ПОГАСИТ!! ДУШИТЕЛЮ-ЛЮБИТЕЛЮ малюсинькие липнячки трогательные, говорящие, ухоженные, также нокотник щипцовый, мало

пользованный, по дешевке.

ГРАЖДАНЕ и ГРАЖДАНКИ — ГАСТРОКОЛЫ, хребтомаялки, мучитаски, ПОСТУПИЛИ!! Каркаруана XI.

Вдоволь начитавшись этих объявлений, я, как мне показалось, начал понимать, какая судьба встретила отряды посланных на разведку волонтеров второго отдела.

Не думаю, чтобы я выглядел очень уж жизнерадостно, когда ночью садился на планету. Двигатели я выключил заранее и спланировал на равнину, окруженную высокими горами. Поразмыслив, нарубил веток и прикрыл ими ракету. М-да, специалисты из двойки не очень-то шевелили мозгами, амбар на планете роботов был, по меньшей мере, не к месту. Нагрузив в железный ящик припасов, сколько влезло, я пошел в направлении города, который был хорошо виден издали, благодаря яркому электрическому зареву, встающему над ним. Мне пришлось несколько раз останавливаться, чтобы переложить коробки с сардинами, которые ужасно во мне гремели. Я отошел от ракеты довольно далеко, как вдруг что-то невидимое подрубило мне ноги. Я упал со страшным грохотом, молнией мелькнула мысль: «Уже! Так быстро?!» Но вокруг не было ни одной

живой, вернее, электрической души. На всякий случай я достал оружие — рак, каким пользуются взломщики сейфов, и маленькую отвертку. Пощупав руками вокруг себя, я убедился, что нахожусь среди каких-то кусков железа. Это были останки старых автоматов — заброшенное кладбище.

Я пошел дальше, падая на каждом шагу и не переставая удивляться размерам кладбища. Оно тянулось, пожалуй, с милю. В темноте вдруг появилось два четвероногих силуэта. Я замер. В инструкциях ничего не говорилось о том, что на планете могут быть какие-нибудь животные. Еще двое четвероногих беззвучно подошли к тем, которые появились сначала. Одно мое неосторожное движение, панцирь звякнул, и темные силуэты как сумасшедшие рванулись во тьму.

После этого инцидента я удвоил осторожность. Время казалось мне не очень удачным для появления в городе — поздняя ночь, пустые улицы, — моя персона могла привлечь к себе нежелательное внимание. Поэтому я прилег в придорожной канаве и терпеливо дожидался рассвета, грызя бисквиты. До следующей ночи у меня не было шансов что-нибудь съесть.

С зарей я пошел в предместье и сразу же увидел на заборе большой, явно старый, размытый

дождем плакат. Я подошел к нему.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Властям града нашего ведомо, как погань липнячья

втереться в ряды истинных пышнявцев тщится.

Кто узрит типняка или индевида, заподозрить коего резон есть,

в миг должон алебардуре своей донесть.

Стакиванье всяко с оным либо помочь ему даная,

развинчиванием in saecula saeculorum карано будет.

За липняка голову премий 1000 ферклосов установлен.

Я пошел дальше. Предместья выглядели непривлекательно. Под жалкими полусъеденными ржавчиной бараками сидели кучки роботов, игравших в чет-нечет. Время от времени среди

них вспыхивали потасовки, при этом был такой грохот, словно артиллерийским огнем накрыло склад железных бочек. Немного дальше я наткнулся на остановку трамвая. Подошел почти пустой вагон, я в него сел. Вожатый составлял неотделимую часть мотора, его рука была намертво приделана к рычагу. Кондуктор был прикреплен у входа. Он одновременно являлся дверью, а на остановках откатывался в сторону. Я дал ему мелочи из запасов, которыми снабдил меня отдел, и с ужасным скрежетом уселся на скамейку. Доехав до центра, я вышел и зашагал как ни в чем не бывало. На улицах встречалось все больше алебардитов, они по двое, по трое расхаживали серединой улицы. Я заметил прислоненную к стене алебарду, небрежно взял ее и пошел дальше, но мое одиночество могло показаться странным. Воспользовавшись тем, что один из тройки шествующих передо мной стражников завернул в подворотню, чтобы поправить спадающую решетку, я занял покинутое им место в строю. Абсолютное сходство всех роботов было мне очень на руку. Двое моих спутников некоторое время хранили молчание, наконец один заговорил.

— Скоро ль жалованье-то углядим, Бребран?

Тошно мне и красиво бы с электрюткой поиграл.

— Что вы, — ответил другой, — сударь, уж тебе служба наша худа, эге!

Так мы обошли весь центр города. Я внимательно ко всему присматривался и заметил по дороге два ресторана, возле которых стоял настоящий лес алебард, прислоненных к стенам. Но я ни о чем не спрашивал. У меня уже изрядно болели ноги, да и душно было в раскалившемся на солнце железном пузыре и в носу свербило от ржавой пыли — я боялся, что чихну, и попробовал немного отстать, но оба мои товарища обернулись.

— Эй, браток! Куды это ты поскакал? Хочешь, чтоб тебе начальство кумпол раздолбало? Психоватый, что ли?

— Отнюдь, — ответил я. — Токо присесть маленько собирался.

— Присесть? Тебе что, дурь катушки пожгла? Когда мы на службе, честные чугунцы!

— А, истинно, — согласился я, и мы снова двинулись вперед.

«Нет, — подумал я, — эта карьера лишена каких-либо перспектив. Нужно браться за дело по-другому».

Мы обошли город еще раз, по пути нас остановил офицер, воскликнув:

— Референзор!

— Брентакурдвий, — откликнулись мои товарищи.

Я хорошо запомнил пароль и отзыв. Офицер осмотрел нас со всех сторон и приказал выше поднять алебарды.

— Как стоите, балбесы! Печки, а не алебардиты Его Индуктивности! Ровно идти! Нога в ногу! Марш!!!

Эту инспекцию алебардиты оставили без комментариев. Мы потащились дальше под палящим солнцем. Я проклинал минуту, когда добровольно согласился полететь на эту паскудную планету, а тут еще голод начал скручивать мне кишки. Я даже стал опасаться, как бы урчание в животе не выдало меня, и поэтому старался как можно громче скрипеть. Мы проходили мимо ресторана. Я заглянул внутрь. Почти все столики были заняты. Иссиня-вороненые пышнявцы сидели неподвижно, время от времени кто-нибудь из них скрежетал или поворачивал голову, чтобы стеклянными гляделками зыркнуть на улицу. Они ничего не ели, ничего не пили, а словно ждали неизвестно чего. Официант — я узнал его по белому фартуку, который был надет поверх доспехов, — подпирал стенку.

— Можа, и мы присядем тама, — сказал я, чувствуя каждый пузырь на стертых железными башмаками ногах.

— Ты истинно обасурманился! — обрушились на меня мои товарищи. — Ить сиделок нам не приказывали! Ить ходьба повинность наша! Не тревожься, уж те-то фортелям липнячьим потрафят, кады придет, да возжаждет супа или похлебки, вражу натуру проявит!!!

Ничего из их слов не поняв, я послушно поплелся дальше. Понемногу я начал закипать. Наконец мы направились к большому зданию из красного кирпича, на котором висела окованная железом таблица:

КАЗАРМЫ АЛЕБАРДИТОВ

ЕВО ПРЕСВЕТЛОЙ ИНДУКТИВНОСТИ

КАЛЬКУЛЯТРИЦИЯ ПЕРВОГО

Я сбежал от моих спутников у самого входа. Алебарду поставил возле часового, — когда он с хрустом и бренчанием отвернулся, и нырнул в первую боковую улицу. Сразу же за углом стоял высокий дом с вывеской «ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР ПОД ТОПОРОМ». Я хотел только заглянуть внутрь, но

хозяин, пузатый робот с коротким туловищем, подобострастно скрежеща, выскочил на улицу.

— Добро пожаловать, ваша милость, добро пожаловать… службу смиренно несу… иль комнатки какой не желаешь, сударь?..

— Вестимо, — ответил я лаконично.

Толстяк чуть не силой втянул меня внутрь. Пока мы поднимались по лестнице, он как нанятый трещал жестяным голосом:

— Странников тьма ныне сползается, тьма… все ж нет пышнявца, кой бы пластин конденсаторных Ево Индуктивности собственными зыркалами узреть не хотел… сюда, ваша милость… вот апартаменты достойные, вот прошу, здеся гостиная… тама спальня… а поди, утомленный ты, сударь… пыль в зубчаках скрипит… дозволь, мигом тебе чистилки принесу…

Он загромыхал по лестнице и, едва я оглядел довольно темную комнату, в которой стояли железный шкаф и такая же кровать, вернулся с масленкой, ветошью и бутылкой сидола. Поставив все это на стол, он тихо и как-то доверительно сказал:

— Отчистив естество, изволь, сударь, вниз… для благородных персон, вроде вашей милости, всегда секретум сладюшенькие, малюсенькие,

сюрпризики держим… порезвишься…

Он вышел, лупая фотоэлементами, делать мне было нечего, я смазался, начистил до блеска пластины панциря и вдруг заметил, что хозяин оставил на столе карточку, похожую на ресторанное меню. Хорошо зная, что роботы не едят, я удивленно поднес ее к глазам. «Дом терпимости II категории» — прочитал я сверху.

Липнячьи дети, обезглавливание — 8 феркл.

То же, с осадком — 10 феркл.

То же, плаксивого — 11 феркл.

То же, пронзительно — 14 феркл.

Худоба:

Топорная содомия, штука — 6 феркл.

Рубка утешительная — 8 феркл.

То же, теленочка-крошку — 8 феркл.

Я в очередной раз ничего не понял, но когда из соседнего номера донесся такой грохот, словно живший за стеной робот пытался вдребезги разнести свое жилище, у меня волосы встали дыбом и по спине забегали мурашки. Это было уж слишком. Стараясь не скрипеть и не звякать, я выбрался из этого жуткого притона на улицу и, только отойдя довольно далеко, облегченно вздохнул. «И что же мне теперь несчастному делать?» — раздумывал я, остановившись возле

группы роботов, играющих в кости, и притворяясь, что самозабвенно болею. Пока мне ничего не удалось выяснить о том, чем занимаются пышнявцы. Я мог снова втереться в ряды алебардитов, но это мало что могло дать, а шансов попасться было много. Что делать?

Ломая себе голову над этим вопросом, я пошел куда глаза глядят. Немного погодя мне на глаза попался сидящий на лавочке и греющий на солнце свое старое железо приземистый робот, который накрыл себе голову газетой. На первой странице было видно стихотворение, начинающееся словами «Я пышнявец — вырожденец». Что было дальше, не знаю. Постепенно между нами завязался разговор. Я представился как житель соседнего города Садомазии. Старый робот отнесся ко мне чрезвычайно сердечно. Он почти сразу пригласил меня к себе домой.

— Для ча те, сударь, мыкаться по всяким там, твоя милость, постоялым дворам, и с хозяевами лаяться. Изволь ко мне. Бедные хоромы, приглашаю, удостой, благодетель. Радость придет вместе с достойной твоей особой в скромные покои мои.

Что мне оставалось делать, я согласился, это даже было мне на руку. Он сразу же отвел меня в комнату для гостей.

— Уж как с дороги, то пыли через меру наглотался, — сказал он.

Снова появилась масленка, сидол и ветошь. Я уже знал, что он скажет, все-таки роботы были натурами несложными. И действительно:

— Почистясь, изволь в гостиную, — сказал он. — Пошалим вместях…

Он закрыл дверь. Ни к масленке, ни к сидолу я не притронулся, только проверил в зеркале состояние моей маскировки, почернил зубы и, несколько обеспокоенный перспективой неизвестных «шалостей», через какие-нибудь четверть часа хотел спуститься вниз, как вдруг из глубины дома до меня донесся протяжный гул. На этот раз сбежать было нельзя. Я спускался по лестнице под аккомпанемент такого грохота, словно кто-то разбивал вдребезги железную колоду. В гостиной все клокотало. Мой хозяин тесаком странной формы кромсал большую куклу, лежавшую на столе.

— Прошу дорогого гостя! Можешь себе, сударь, для утехи потрошить вон то тулово, — сказал он, перестав при моем появлении рубить, и показал мне на другую, лежащую на полу куклу немного меньшего размера.

Когда я к ней подошел, она села, открыла глаза

и начала повторять слабым голосом:

— Я дитя невинное — отступись от меня, — я дитя невинное — отступись.

Хозяин вручил мне топор, похожий на алебарду, но на более короткой рукоятке.

— Ну же, почтенный гость, прочь заботы, прочь грусть, рубай сплеча, смело!

— Дак я… не люблю детей… — промямлил я.

Хозяин застыл.

— Не любишь? — повторил он за мной. — Ай, жалость. Огорчил ты меня, сударь… Чем же ты займешься? У меня только малышки — слабость это моя, знаешь… Аль попробуешь теленочка?

Он вынул из шкафа очень симпатичного пластикового теленка, слегка сжал его, и тот тревожно замычал. Куда мне было деваться? Не желая выдать себя, я разрубил несчастное животное, изрядно при этом устав. Тем временем хозяин разделался с обеими куклами и, отложив инструмент, который называл костоломкой, спросил, доволен ли я. Я заверил его, что давно не получал такого удовольствия.

Так началась моя невеселая жизнь на Вотрокалии. Утром, после завтрака, состоявшего из кипящего масла, хозяин отправлялся на работу, а его жена что-то остервенело пилила в спальне

— мне кажется, телят, но поручиться не могу. Ошалевая от этого блеянья, визга, грохота, я уходил в город. Занятия его жителей были несколько монотонны. Четвертование, сажание на кол, сожжение, рубка — в центре города находился луна-парк с павильонами, где можно было купить изысканнейшие инструменты. Через несколько дней я не мог смотреть даже на собственный перочинный ножик. К вечеру я изнывал от голода и, как только темнело, отправлялся куда-нибудь в предместья, чтобы поспешно проглотить в кустах сардины и бисквиты. Ничего удивительного, что при таком питании мне все время приходилось сдерживать икоту, которая была для меня смертельно опасной. На третий день мы пошли в театр. Давали пьесу под названием «Карбезаврий». Это была история молодого красивого робота, которого беспощадно преследовали люди, то есть липняки. Они поливали его водой, сыпали ему в масло песок, развинчивали винты, так что он все время падал, и т. п. Зал гневно позвякивал. Во втором акте появился посланец Калькулятора, молодой робот был спасен, в третьем акте детально показывалась судьба людей, как нетрудно догадаться, не слишком лучезарная.

От скуки я рылся в домашней библиотеке моих

хозяев, но в ней не было ничего интересного: несколько жалких перепечаток мемуаров маркиза де Сада, а кроме них одни лишь брошюрки, такие, как «Распознавание липняков», из которой я запомнил несколько отрывков. «Липняк, — начинался текст, — весьма мягок, консистенцией похож на вареник… Глаза его — туповатые, водянистые есть образы гнусности душевной. Лик резиноподобный…» и так далее на все сто без малого страниц.

В субботу к нам приходили городские нотабли — мастер цеха жестянщиков, заместитель городского оружейника, цеховой старшина, два протократа, один альтимуртан. Увы, я не мог разобраться, что это за профессии, так как говорилось главным образом об изящных искусствах, о театре, о совершенном функционировании Его Индуктивности; дамы немножко сплетничали. Здесь я узнал о ставшем в высших сферах притчей во языцех кутиле и шалопае, некоем Подуксте, который вел разгульную жизнь, окружал себя роями электрических вакханок, буквально осыпая их самыми дорогими катушками и лампами. Но мой хозяин не особенно возмущался, когда я заговаривал о Подуксте.

— Молодая сталь, молодой ток, — ворчал он

добродушно. — Подржавеет, реостаты жирком покроются, по-другому заживет…

Одна пышнявка, которая бывала у нас довольно редко, по совершенно непонятной причине облюбовала меня и однажды, после очередного кубка масла, шепнула:

— Красавчик. Хочешь меня? Сбегим ко мне, дома поэлектризуемся…

Я притворился, что внезапное искрение катода не позволило мне услышать ее слов.

Вообще мои хозяева жили дружно, но однажды я невольно стал свидетелем скандала: супруга орала что-то в том смысле, чтобы он превратился в лом, он, как и полагается мужу, не отвечал.

Бывал у нас также популярный электромастер, который руководил городской клиникой. Он изредка рассказывал о своих пациентах. От него я узнал, что роботы иногда сходят с ума, и наиболее серьезной из маний было их убеждение, что они — люди. И даже, — как я догадался из его слов, хотя он и не сказал этого ясно, — число таких сумасшедших в последнее время значительно увеличилось.

Однако этих сведений я на Землю не передавал, во-первых, потому, что они казались мне слишком скупыми, а, во-вторых, мне не хотелось

тащиться через горы до оставленной далеко ракеты, в которой находился передатчик. Однажды утром, когда я как раз кончил возню с теленком (мои хозяева ежевечерне приносили мне одну штуку, убежденные, что ничем не могут доставить мне большего удовольствия), — дом содрогнулся от сильного стука в ворота. Моя тревога оказалась вполне оправданной. Явилась полиция, то есть алебардиты. Меня без единого слова арестовали, вывели на улицу на глазах моих остолбеневших от негодования хозяев, заковали в кандалы, посадили в машину, и мы поехали в тюрьму. У ее ворот уже стояла враждебно настроенная толпа, издававшая полные ненависти крики. Меня заперли в одиночной камере. Когда дверь за мной захлопнулась, я уселся на железные нары и громко вздохнул. Теперь мне это уже не могло повредить. Некоторое время я размышлял о том, в скольких тюрьмах мне пришлось сидеть в самых различных районах Галактики, но точно сосчитать не смог. Под нарами что-то лежало. Это была брошюрка о разоблачении липняков — в насмешку, что ли, ее сюда положили? Я невольно ее открыл и прочитал о том, как двигается верхняя часть туловища липняка в связи с так называемым дыханием, как нужно проверить,

тестообразна ли поданная им рука, а также, не вырывается ли из его ротового отверстия *легкий ветерок*. Абзац кончался словами: «У возбужденного липняка выделяется водянистая жидкость, в основном на лбу».

Это было довольно точно. Я определенно выделял упомянутую водянистую жидкость. Внешне исследование Вселенной кажется несколько однообразным, в связи с упомянутым выше, все время повторяющимся, — как, в некотором смысле, неизбежный этап, — пребыванием в тюрьмах звезд, планет, даже туманностей. Но мое положение еще никогда не было таким безнадежным, как сейчас. Около полудня надзиратель принес мне тарелку теплого масла, в котором плавало немного шариков от шариковых подшипников. Я попросил что-нибудь более съедобное, раз уж я все равно разоблачен, но стражник, иронически скрипнув, ушел. Я принялся колотить в дверь и требовать адвоката. Никто не отвечал. Под вечер, когда я съел последний кусочек бисквита, завалявшийся внутри панциря, в замке заскрежетал ключ, и в камеру вошел толстый адвокат с пухлым портфелем.

— Будь проклят, липняк! — изрек он и добавил: — Я твой защитник.

— Ты всегда приветствуешь своих клиентов таким образом? — спросил я садясь.

Адвокат тоже уселся, громко при этом звякнув. Он был отвратителен. Пластины у него на животе совершенно расползлись.

— Липняков да, — сказал он убежденно. — Лишь из лояльности к своей профессии, не к тебе, негодяй подлый, отдам искусство мое для твоей защиты, ничтожная тварь! Быть может, удастся смягчить ожидающую тебя кару до одноразового разбирания на части.

— Как это? — спросил я. — Но ведь меня нельзя разобрать.

— Ха-ха, — заскрежетал он. — Так тебе только кажется! А теперь рассказывай о своих гнусных намерениях, липкая каналья!

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Клаустрон Фридрак.

— Скажи, Клаустрон Фридрак, в чем меня обвиняют?

— В липнячестве, — ответил он тотчас. — За это будет основная кара. Кроме того, в жажде предать нас, в шпионстве в пользу тюри, в святотатственно выношенном плане поднятия руки на Его Индуктивность — хватит с тебя, навозный липняк? Признаешься в этих винах?

— Ты действительно мой адвокат? — спросил я. — А то ты говоришь как прокурор или следователь.

— Я твой адвокат.

— Хорошо. Я не признаю себя виновным ни в одном из этих преступлений.

— В порошок сотрем! — зарычал он.

Поняв, какого мне дали защитника, я умолк.

Назавтра меня отвели на допрос. Я ни в чем не признался, хотя судья гремел еще ужаснее вчерашнего защитника, если только это было возможно. Он то ревел, то шептал, взрывался металлическим смехом и снова спокойно объяснял, что скорее он начнет дышать, чем я уйду от пышнявской юстиции.

На следующем допросе присутствовал какой-то важный сановник, судя по количеству сверкавших в нем ламп.

Прошло еще четыре дня. Хуже всего было с едой. Я довольствовался брючным ремнем, размачивая его в воде, которую мне приносили один раз в день; при этом стражник держал кастрюлю подальше от себя, словно в ней был яд.

Через неделю ремень кончился. К счастью, на мне были высокие шнурованные ботинки из козлиной кожи, — ничего вкуснее их язычков за

все время пребывания в тюрьме я не ел.

На восьмой день утром двое стражников приказали мне собираться. Меня усадили в машину и под экскортом привезли в Железный Дворец — резиденцию Калькулятора. По великолепной нержавеющей лестнице, через зал, украшенный катодными лампами, меня провели в большую комнату без окон. Я остался в ней один, — стражники вышли. В центре комнаты с потолка спускалась черная занавесь, ее складки выгораживали четырехугольное пространство.

— Жалкий липняк! — загремел голос, как будто доносящийся по трубам из железного подземелья. — Последний твой час бьет. Говори, что ты предпочитаешь: шинковка, костоломка или винтокрутка?

Я молчал. Калькулятор загрохотал, заурчал и снова заговорил.

— Слушай меня, липкая гнусь, прибывшая по наущению тюри. Слушай мой могучий голос, раздрызганная клейковина, дурь кисельная! В пышности мудрых моих токов буду к тебе милостив: если перейдешь в ряды верноподданных моих, если всей душой своей превыше всего пышнявцем стать возжаждешь, жизнь тебе, может, и дарую.

Я заявил, что с давних пор именно это и было моей мечтой. Кулькулятор издевательски заквакал трясущимся смехом и сказал:

— Так я и поверил твоим сказкам. Слышишь, падаль. Остаться при своей липкой жизни можешь только как пышнявец-алебардит, тайный. Заданием твоим будет липняков, шпионов, агентов, предателей и всякую иную нечисть, которую тюря шлет, вскрывать, разоблачать, забрала сдирать, каленым железом выжигать и такой только службой покорной спасти себя можешь.

Когда я все это торжественно обещал, меня отвели в другую комнату, где занесли в список и приказали ежедневно сдавать рапорт в главную алебардуру, после чего совершенно ошеломленного, на ватных ногах, выпустили из дворца.

Смеркалось. Я вышел за город, сел на траву и задумался. На душе у меня было тяжело. Если бы меня обезглавили, я бы по крайней мере спас свою честь, а теперь, перейдя на сторону этого электрического чудовища, предал порученное мне дело, погубил все шансы на успех. Как теперь быть, идти к ракете? Но это — позорное бегство. И все-таки я пошел. Стать шпиком, выслуживаться перед машиной, правящей легионами железных ящиков, это еще худший позор. Как описать мой

ужас, когда на том месте, где оставалась ракета, я обнаружил лишь кучу искореженных обломков!

Пока я добрел до города, совсем стемнело. Я сел на камень и в первый раз в жизни горько зарыдал, вспомнив утраченную отчизну. Слезы мочили изнутри дурацкий железный манекен, который с этой минуты и до смерти должен стать моей тюрьмой, вытекали сквозь зазоры наколенников наружу. Конечно, теперь все поржавеет, и меня ждет неподвижность суставов. Но мне было уже все равно.

Вдруг на фоне последних отсветов заката я увидел взвод алебардитов, медленно идущий к пригородным лугам. Вели они себя как-то странно. Темнота становилась все гуще, и в этом мраке то один из них, то другой, по очереди покидали строй, стараясь ступать как можно тише, забирались в кусты и исчезали в них. Я был настолько заинтригован, что, несмотря на свое совершенно подавленное состояние, тихонько встал и пошел за алебардитом, который был ко мне ближе всех.

Тут нужно добавить, что в эту пору на кустах созревали очень сладкие дикие ягоды, вкусом напоминающие бруснику. Я сам ими объедался всякий раз, когда мог выбраться из железного города. Каково же было мое изумление, когда

я увидел, что алебардит, за которым я следил, маленьким ключиком — точь-в-точь как тот, который мне вручил сотрудник второго отдела, — открывает с левой стороны забрало и, обрывая ягоды, обеими руками с бешеной скоростью заталкивает их в открывшуюся дыру. Даже туда, где я стоял, доносилось жадное чавканье и сопенье.

— Тссс, — прошипел я проникновенно. — Эй ты, послушай.

Он огромным прыжком рванулся в заросли, но не убежал, — я бы это услышал. Он затаился где-то здесь.

— Эй, — сказал я тихо, — не бойся. Я человек. Человек. Это только маскировка.

Мне показалось, что сквозь листья на меня со страхом и подозрительностью смотрит горящий глаз.

— Откель знать могу, аль не врешь? — послышался хриплый голос.

— Говорят же тебе. Не бойся. Я прилетел с Земли. Меня прислали сюда специально.

Мне пришлось еще некоторое время его уговаривать, наконец он чуточку успокоился — вылез из кустов и потрогал мой панцирь.

— Человек? Неужель всамделишный?

— Ты что, не можешь говорить по-людски? —

спросил я.

— Дак позабыл. Пятый год уж, как мя сюда рок ужасный занес… настрадался, что и не рассказать… истинно, фортуна счастливая, что мне липняка пред смертью узреть дала… — бормотал он.

— Опомнись! Перестань молоть чушь! Слушай, а ты не из двойки?

— А то нет. Истино из двойки. Малинграут мя сюда прислал на муку жестокую.

— А чего ты не убежал?

— Как же мне убежать, ежли ракету мою разворотили, на мелкие кусочки растрясли? Брат — не можно мне тут сидеть. В казарму пора… увидимся ли? К казарме завтрича при… придешь?

Я согласился, хотя даже не знал, как он выглядит, и мы попрощались: он велел мне подождать немного, а сам исчез в темноте ночи. В город я вернулся немного ободренный, — теперь можно было подумать о создании подпольной организации. Чтобы набраться сил, зашел в первый попавшийся постоялый двор и лег спать.

Утром, разглядывая себя в зеркало, я увидел на груди, чуть ниже левого наплечника, маленький меловой крестик, и словно пелена упала с моих глаз. Этот человек хотел меня предать — и для

этого пометил! «Негодяй! Негодяй!» — мысленно повторял я, лихорадочно соображая, что предпринять. Стереть клеймо Иуды было секундным делом, но это меня не удовлетворило. «Наверное, он уже донес, — думал я, — и теперь начнут искать неизвестного липняка, очевидно, заглянут в свои списки, первым делом займутся наиболее подозрительными, и уж обо мне-то не забудут». При мысли о допросе меня стала бить дрожь. Надо было как-то отвести от себя подозрение. Способ нашелся быстро.

Целый день я просидел на постоялом дворе, для камуфляжа издеваясь над телятами, а чуть стемнело, вышел в город, спрятав в руке кусочек мела. Я наставил что-то около четырехсот крестиков на железных прохожих — каждый, кто мне встречался, был помечен. Около полуночи, немного успокоившись, я вернулся на по-стоялый двор и только тогда вспомнил, что кроме того Иуды, с которым мы беседовали, в кусты прошлой ночью лазили и другие алебардиты. Это дало мне пищу для размышлений. И тут меня осенила на редкость простая идея. Я вышел за город к ягоднику. Около полуночи снова явились железные болваны. Постепенно они разбрелись, и только из окрестного кустарника доносилось

торопливое сопение и чавканье яростно жующих ртов. Потом поочередно защелкали забрала и вся обожравшаяся ягодами компания потихоньку вылезла из кустов. Я пристроился к ним, — в темноте они приняли меня за одного из своих, — и, на ходу, начал мелом ставить на панцирях тех, до кого мог дотянуться, маленькие кружочки, а у ворот алебардуры сделал поворот кругом и пошел на свой постоялый двор.

Назавтра я уселся на лавочку перед казармами, ожидая, когда выйдут те, у кого есть увольнительные в город. Заметив одного алебардита с колечком на лопатке, я пошел за ним, а когда мы вышли на улицу, где, кроме нас двоих, никого не было, стукнул его перчаткой по плечу, так что он зазвенел, и сказал:

— Именем Его Индуктивности! Следуй за мной!

От испуга он весь залязгал и без единого слова заковылял позади меня. Я запер дверь комнаты и стал отвинчивать ему голову вынутой из кармана отверткой. На эту процедуру ушел ровно час. Я снял железный горшок шлема, и перед моими глазами появилось неприятно побледневшее от длительного пребывания в темноте худое лицо с вытаращенными от страха глазами.

— Ты липняк?! — рявкнул я.

— Так точно, ваша милость, но…

— Что «но»?!

— Я ить зарегистрированный… присягал на верность Ево Индуктивности!

— Давно? Говори!

— Три… три года назад… сударь… за что… за что меня…

— Погоди, — сказал я, — а ты знаешь иных каких-нибудь липняков?

— На Земле? Уж знам, ваша милость, будьте ласковы…

— Не на Земле, болван, здесь!

— Не, где же! А! Ежли надыбаю, на одной ноге донесу, ваша ми…

— Ну, ладно, — сказал я. — Можешь идти. Башку сам себе приладь.

Я сунул ему в руку все его винтики и выставил за дверь, — слышно было, как он трясущимися руками напяливает свой горшок, — а сам сел на кровать, весьма удивленный своим открытием.

Всю следующую неделю у меня была масса работы. Я забирал на улице прохожих, — всех, кто попадался мне на глаза, — вел на постоялый двор и там отвинчивал им головы. Интуиция не обманула меня: все до единого были людьми!

Я не обнаружил среди них ни одного робота! Постепенно у меня рождался апокалиптический образ…

Этот Калькулятор — сатана, электрический сатана! Какой ад народился в его раскаленных проводах! Планета была сырая, ревматическая, для роботов — в высшей степени нездоровая. Они должны были массово ржаветь, возможно, с течением времени стало все больше не хватать запасных частей. Роботы начали болеть и один за другим попадали на обширное пригородное кладбище, где только ветер позванивал истлевшими железными пластинами. Тогда, видя, как тают ряды его подданных, видя опасность, угрожающую его власти, Калькулятор выкинул гениальный трюк. Из врагов, из посланных на верную гибель шпионов, он начал создавать собственное войско, собственную агентуру, собственный народ! Ни один из разоблаченных шпионов не мог его предать — ни один не отважился бы установить контакт с другими людьми, так как не знал, что они не роботы, а если бы даже узнал это о ком-нибудь, то боялся бы, что при первой же попытке контакта тот его выдаст, точно так же, как намеревался сделать первый, переодетый алебардитом человек, к которому я неожиданно

подошел в кустах.

Калькулятор не довольствовался нейтрализацией врагов — он каждого превращал в борца за свое дело и принуждал выдавать других, вновь присланных людей, демонстрируя еще одно доказательство своей дьявольской хитрости. Кто же мог лучше отличать подосланных людей от роботов, чем сами эти люди, которые знали подоплеку всех операций второго отдела.

Таким образом, каждый разоблаченный человек, занесенный в списки, приведенный к присяге, чувствовал себя одиноким и, может быть, даже боялся себе подобных больше, чем роботов, так как роботам не приходилось быть агентами тайной полиции, люди же, наоборот, были ими все до единого. Таким способом электрическое чудовище держало нас в неволе, пугая каждого — каждым, ведь это именно мои товарищи по несчастью разбили мою ракету и точно так же — я услышал это из уст одного алебардита — поступили с сотнями других ракет.

«Дьявол, исчадие ада!» — думал я, дрожа от ярости. И мало того, что он принуждал к измене, мало того, что второй отдел сам присылал все больше столь необходимых ему людей, их еще и одевали на Земле в лучшее нержавеющее снаря-

жение высшего качества! Оставались ли в этих закованных в сталь толпах хоть какие-нибудь роботы? Я сильно в этом сомневался. Понятно для меня стало и рвение, с каким шпики преследовали меня. Как неофитам пышнячества, им приходилось быть больше роботами, чем настоящие роботы. Отсюда яростная ненависть, с которой относился ко мне адвокат. Отсюда же и подлая попытка выдать меня, предпринятая человеком, разоблаченным мною первым. Какой демонизм катушек и конденсаторов, что за электрическая стратегия!

Обнародование тайны ничем бы мне не помогло. По приказу Калькулятора меня, без сомнения, бросили бы в застенок — слишком давно покорность овладела людьми, слишком долго они играли ее, изображая преданность этому электрическому Вельзевулу, ведь они даже разучились нормально говорить.

Что делать? Прокрасться во дворец? Сумасшедшая мысль… А что мне еще оставалось? Жуткое положение: город окружен кладбищами, на которых обращенное в ржавчину покоилось воинство Калькулятора, а он продолжал владычествовать, более сильный, чем когда-либо, уверенный в себе, ибо Земля присылала ему все новые и новые

подкрепления — какая-то чертовщина!

Чем больше я думал, тем лучше понимал, что даже это открытие, которое до меня, несомненно, сделали многие, ни в коей мере не изменяло положения. В одиночку ничего нельзя было предпринять, приходилось кому-то довериться, а это влекло за собой немедленное предательство; предатель, естественно, рассчитывал на повышение, на особую милость машины. «Ради святого Электриция! — бормотал я. — Гением он есть...» И вдруг заметил, что и сам уже слегка архаизую синтаксис и грамматику, что и ко мне пристала эта зараза, что мне начинает казаться естественным вид железных истуканов, а человеческое лицо выглядит каким-то нагим, безобразным, неприличным... липнячьим. «Великий боже, я схожу с ума, — мелькнула у меня мысль, — а другие наверняка уже давно свихнулись — на помощь!»

После ночи, проведенной в невеселых размышлениях, я пошел в центр, в магазине купил за тридцать ферлоксов самый острый тесак, какой там нашелся, и, дождавшись темноты, прокрался в большой сад, окружающий дворец Калькулятора. Спрятавшись в кустах, с помощью плоскогубцев и отвертки содрал с себя желез-

ный панцирь и босиком беззвучно вскарабкался наверх по водосточной трубе. Окно было открыто. По коридору, глухо позванивая, вышагивал стражник. Когда он оказался в дальнем конце коридора и повернулся ко мне спиной, я спрыгнул внутрь, быстро подбежал к ближайшей двери и тихо скользнул в нее. Стражник меня не заметил.

Я очутился в той самой большой комнате, где слышал голос Калькулятора. В ней было темно. Я раздвинул черную занавеску и увидел огромную, достигающую потолка панель Калькулятора с горящими как глаза шкалами приборов. Сбоку светилась белая щелка. Там была какая-то чуть приоткрытая дверь. Я подошел к ней на цыпочках и затаил дыхание.

Нутро Калькулятора выглядело как небольшая комната второразрядной гостиницы. У задней стены стоял маленький полуоткрытый сейф с торчащей в замке связкой ключей. За письменным столом, заваленным бумагами, сидел пожилой, сухой мужчина в сером костюме и нарукавниках, точно таких, какие носят служащие, и писал, заполняя страницу за страницей печатные формуляры. У его локтя стоял стакан чая. На блюдечке лежало несколько кексов. Я тихонько

вошел и закрыл за собой дверь.

— Тсс, — сказал я, поднимая тесак обеими руками.

Мужчина вздрогнул и посмотрел на меня; блеск тесака в моих руках здорово его напугал. У него исказилось лицо, и он упал на колени.

— Нет! — простонал он. — Нет!!!

— Если пикнешь, пропадешь ни за грош, — сказал я. — Ты кто?!

— Ге… Гептагоний Аргюссон, ваша милость.

— Я тебе никакая не милость. Я Ийон Тихий, понятно.

— Так точно! Та… так…

— Где Калькулятор?

— Ва… ва…

— Никакого Калькулятора нет, так?!

— Так точно! Мне был отдан такой приказ!

— Ага. А можно узнать, кем?

Аргюссон дрожал всем телом. Потом умоляюще поднял руки.

— Это может плохо кончиться… — заныл он. — Сжальтесь! Не вынуждайте меня, ваша ми… прошу прощения… Я, я всего лишь сотрудник шестой группы обеспечения…

— Ну, что я слышу? А Калькулятор? А роботы?

— Сжальтесь! Я скажу всю правду! Наш шеф

— это он организовал. Речь шла о кредитах… о расширении деятельности, о большей… э… оперативности… чтобы определять подготовку наших людей, но самое важное — кредиты…

— Значит, все это было разыграно? Все?!

— Не знаю! Клянусь! С тех пор как я здесь — ничего не менялось, только не думайте, что я тут распоряжаюсь. Сохрани бог! Моя обязанность заполнение личных дел. Речь шла о том, могут ли… могут ли наши люди быть сломлены врагами, попав в безвыходное положение… или же готовы на смерть…

— А почему никто не возвращался на Землю?

— Потому… потому что все изменили… до сих пор ни один не согласился умереть за дело тюри… тьфу, то есть за наше дело… Я говорю так по привычке, поймите же, сижу здесь одиннадцать лет, мне всего год до пенсии. У меня жена и ребенок, умоляю.

— Заткнись, — рявкнул я со злостью. — Пенсии ждешь, мерзавец, я тебе дам пенсию!!!

Я поднял тесак. У Аргюссона глаза вылезли из орбит, он начал ползать у моих ног.

Я приказал ему встать. Обнаружив, что в сейфе есть маленькая зарешеченная форточка, запер в нем чиновника.

— И ни звука! Чтобы не смел ни стучать, ни шуметь, бандитская рожа, иначе шинковка!

Остальное было уже просто. Ночь я провел не лучшим образом, листал бумаги — отчеты, рапорты, анкеты; на каждого жителя планеты была заведена отдельная папка. Потом соорудил себе постель из совершенно секретной корреспонденции — больше спать было не на чем. Утром я включил микрофон и от имени Калькулятора приказал, чтобы весь народ собрался на дворцовой площади. Каждый должен был принести с собой плоскогубцы и отвертку.

Когда все выстроились, похожие на гигантские шахматные фигуры, выкованные из железа, я велел, чтобы они поотвинчивали друг другу головы, во исполнение конденсаторции святого Электриция. В одиннадцать стали выныривать первые человеческие головы, начался шум, все смешалось, раздались крики: «Измена! Измена!», которые через несколько минут, когда на мостовую с грохотом упал последний железный горшок, превратились в общий радостный рев.

Я тотчас появился в своем собственном обличье и предложил, чтобы все под моим руководством принялись за работу — нужно было, используя местное сырье и материалы, снарядить большой

корабль. Но оказалось, что в подземельях дворца находится целая эскадра готовых к старту космических ракет с полными топливными баками. Перед стартом я выпустил из сейфа Аргюссона, но не взял его на борт и никому не разрешил этого сделать. Я обещал уведомить обо всем его шефа и сообщить ему, по возможности полно, что я о нем думаю.

Так закончилось одно из самых необычайных моих приключений и путешествий. Несмотря на все труды и муки, которые мне пришлось пережить, я был рад такому обороту дела, так как ко мне вернулась подорванная космическими мошенниками вера в прирожденную порядочность электронных мозгов. Как все-таки приятно думать, что только человек может быть прохвостом.

Перевод Д. Брускина.